

ВЫСТАВКА НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ

АПРЕЛЬ 2023

„ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ
ВАШИ ДЕТИ БЫЛИ УМНЫМИ,
ЧИТАЙТЕ ИМ СКАЗКИ.

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ
ОНИ БЫЛИ УМНЕЕ, ЧИТАЙТЕ
ИМ ЕЩЕ БОЛЬШЕ СКАЗОК.“

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

Кадзуо Исигуро

«Художник зыбкого мира»

Герой этой книги — один из самых знаменитых живописцев довоенной Японии, тихо доживающий свои дни и мечтающий лишь удачно выдать замуж дочку. Но в воспоминаниях он по-прежнему там, в веселых кварталах старого Токио, в зыбком, сумеречном мире приглушенных страстей, дискуссий о красоте и потаенных удовольствий.

«Художник зыбкого мира» похож на листопад из воспоминаний. Сегодня солнце светит невероятно ярко, а небо такое синее, что хочется плакать от счастья — время

веселых воспоминаний, они кружат в воздухе одно за другим, так и хочется встать под этот дождь из листьев и собрать каждый из них.

А завтра день пасмурный, холодный и совершенно не напоминает тот, вчерашний — угрюмо бредешь по опавшей листве и среди нее, нет-нет, да и найдется что-то, что так хочется от себя спрятать, нечаянная досадная находка, да почему ж их так много?

Как и всегда, всё самое тяжелое и путающее – в недомолвках, в догадках стороннего наблюдателя. Разговор может, на первый взгляд, не значить ничего, а позже ты понимаешь насколько громко и оскорбительно на самом деле звучит та или иная равнодушная фраза, возвращаешься – и вот уже краешек катастрофы прямо перед тобой.

Книги Исигуро лучше всего читаются с минимальным знанием истории Японии и её традиций и быта – так они выглядят насыщеннее, ярче и печальнее, конечно же. При этом проблематика не ограничивается только японским менталитетом, никакой «камерности», просто... о важных вещах не всегда говорят одинаково.

Смотря на эту историю, ты понимаешь, что не первый столкнулся с таким тяжелым грузом на твоём пути и, к сожалению, не последним. Здесь не звучат пафосные фразы, никто не забирает старые обиды и нерешенные проблемы, но – слушают тебя и слушаешь ты. Порой именно этого достаточно.

Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»

«Погребенный великан» — роман необычный, завораживающий. Автор переносит нас в Средневековую Англию, когда бритты воевали с саксами, а землю окутывала хмарь, заставляющая забывать только что прожитый час так же быстро, как утро, прожитое много лет назад.

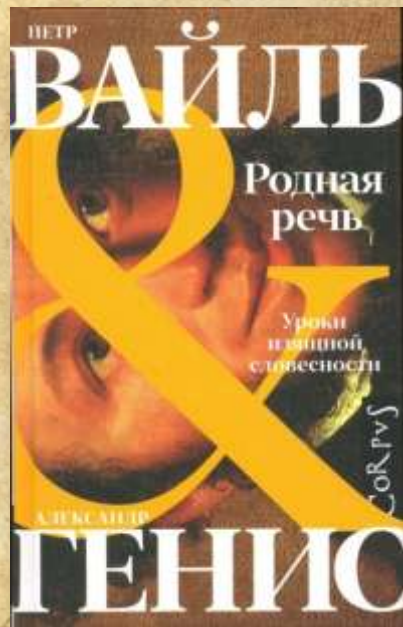
История уходит корнями в артуровский цикл с его неопределенным, расплывчатым пространством-временем — но мир, описанный на этих страницах, куда жестче, реалистичнее, детальнее и страшнее, чем в традиционном рыцарском романе.

Пожилая крестьянская чета собирается провести сына в соседней деревне — но по дороге обрастает странными и опасными спутниками. Компанию им берутся составить хитроумный саксонский воин, в одиночку отправившийся в земли бриттов по приказу своего короля (вот он, настоящий артурианский типаж!), молчаливый мальчик, изгнанный из своей деревни, могучий старец Гавейн.

Супруги набредают то на уединенный монастырь в горах, хранящий кровавые и постыдные тайны, то на древние римские развалины, где их поджидает лодочник, доставляющий души на Остров мертвых. Их преследуют солдаты местного короля и кровожадные твари, их ждут ловушки, засады и целая череда предательств...

«Погребенного великана» называют притчей об исторической памяти — рискну добавить: и о человеческой памяти вообще. С определенной точки зрения вся история человечества — история чудовищных преступлений, коварных предательств, неизжитых взаимных обид. Разматывать этот клубок и выяснять, кто первым бросил камень, можно до бесконечности, было бы желание. **«Прекрасная зеленая долина. Молодая роща, на которую так приятно смотреть по весне. Копните землю, и из-под маргариток и лютиков покажутся мертвецы»**, — пишет Исигуро. Невозможно спокойно любоваться этим пейзажем, пока травма не будет изжита, а кровавые подробности перестанут всплывать перед глазами выживших.

Исигуро рассказывает историю о памяти и забвении, о мести и войне, о любви и прощении. Но главное — о людях, о том, как все мы по большому счету одиноки.

Петр Вайль и Александр Генис «Родная речь. Уроки изящной словесности»

“Читать главные книги русской литературы — как пересматривать заново свою биографию. Жизненный опыт накапливался попутно с чтением и благодаря ему... Мы растем вместе с книгами — они растут в нас. И когда-то настает пора бунта против вложенного еще в детстве отношения к классике”, — написали Петр Вайль и Александр Генис в предисловии к самому первому изданию своей “Родной речи”.

Эта книга стала настоящим, пусть и немного шутливым, памятником советскому школьному учебнику литературы. Мы еще не забыли, как успешно эти учебники навеки отбивали у школьников всякий вкус к чтению, прививая им стойкое отвращение к русской классике. Авторы “Родной речи” попытались снова пробудить у несчастных чад (и их родителей) интерес к отечественной изящной словесности. Похоже, попытка увенчалась полным успехом. Остроумный и увлекательный «антиучебник» Вайля и Гениса уже много лет помогает выпускникам и абитуриентам сдавать экзамены по русской литературе.

«Хоть парадоксы и двигают мысль, в сознании закрепляются только банальные истины. Когда обнаружилось, что сумма углов треугольника всегда равна 180 градусам, а параллельные прямые могут и пересечься – обрадоваться могли лишь извращенные интеллектуалы. Нормального человека эти новости должны раздражать, как бесцеремонное вторжение в налаженный умственный быт».

«Пушкина выделяет его божественный эгоизм. Не зря он совершенно чужд жизнеучительству – Пушкин строил свою жизнь, а не чужую».

«По сути каждый его персонаж (Чехова) - эмбрион сюрреализма. В нем, как в атомном ядре, сосредоточен абсурд повседневного существования. Кафка, а еще эффектнее Дали эту атомную бомбу взорвали, чем упростили чеховский мир, энергия которого заключалась именно в свернутости своих структур».

Джозеф Хеллер «Поправка-22»

Вторая мировая война. Лётчик ВВС США Йоссариан непреодолимо и наперекор войне желает жить. В его эскадрилье нет никого, кто бы умел так же искусно маневрировать и уходить из-под удара, только бы не попасть под зенитный огонь.

И хотя Йоссариан уже налетал норму боевых вылетов, и не раз, начальство продолжает ее повышать, так что и не выберешься из этого ада. Даже психом не прикинуться, чтобы признали негодным и отправили домой – и

существует некая Поправка-22, неписанная, но неумолимо действующая: «Всякий, кто хочет уклониться от выполнения боевого задания, нормален и, следовательно, годен к строевой». В этой фразе и заключается парадокс и абсурд происходящего, круг замыкается, и ты попался.

*«– Как вы себя чувствуете, Йоссариан?
– Великолепно. Боюсь до смерти.»*

- «— Они стараются меня убить, — рассудительно сказал Йоссариан.
— Да почему именно тебя? — выкрикнул Клевинджер.
— А почему они в меня стреляют?
— На войне во всех стреляют. Всех стараются убить.
— А мне, думаешь, от этого легче?»*

«Поправка-22» на первый взгляд напоминает «Похождения Бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека.

Только Швейк поумнел, стал американцем, переквалифицировался в лётчики и носит теперь имя Йоссариан, — так кажется в начале.

Хрупкость системы ценностей, пресловутая бюрократическая машина, доходящий до идиотизма солдатский быт, любовь-морковь и воистину страшные страницы войны — всё тут. Но в какой-то момент абсурдное перестаёт быть смешным, переворачивается и становится реальностью, гнусной и страшной.

«... и Йоссариан подумал, что может себе представить, с каким чувством ходил по земле Христос, ощущая горестное отчаяние психиатра среди буйнопомешанных или тоскливое смятение человека, который предожидает кровавое злодеяние, уготованное ему людьми, а его водят по тюрьме для особо жестоких злодеев».

Аркадий и Борис Стругацкие «Гадкие лебеди»

В одной "неназванной европейской стране", в провинциальном городке, где идет бесконечный дождь и живут хмурые, равнодушные люди, популярный писатель Виктор Банев наблюдает за таинственными силами, постепенно меняющими здешнюю атмосферу и незаметно влияющими на моральный облик горожан. Интеллектуалы-мутанты, называемые мокрецами, которых правительство пытается держать под контролем, воспитывают детей города, делая из них вундеркиндов. В итоге именно дети выносят приговор лживому миру взрослых, покидая город.

Конфликт Будущего (страшного, потому что оно – иное) и Настоящего.
Конфликт свободы – ребенок всегда свободен – и собственности – он мой ребенок.

Конфликт Учителя, живущего для будущего, и государственного Голема. Трагедии людей, которые представляют собой угрозу даже не правящему режиму, не государству или партии, а целой Вселенной, равнодушной и апатичной.

«Неужели же, чёрт возьми, гадко всё, что в человеке от животного? Даже материнство, даже улыбка мадонны, её ласковые мягкие руки, подносящие младенцу грудь... Да, конечно, инстинкт и целая религия, построенная на инстинкте... наверное, вся беда в том, что эту религию пытаются распространить и дальше, на воспитание, где никакие инстинкты уже не работают, а если работают, то только во вред... Потому что волчица говорит своим волчатам: «Кусайте как я», и этого достаточно, и зайчиха учит зайчат: «Удирайте как я», и этого тоже достаточно, но человек-то учит детёныша: «Думай как я», а это уже преступление.»

«Ребенок кротко смотрит на тебя и думает: ты, конечно, взрослый, здоровенный, можешь меня выпороть, однако, как ты был с самого детства дураком, так и остался, и помрешь дураком, но тебе этого мало, ты еще и меня дураком хочешь сделать...»

«Страшно? Неуютно? Но так и должно быть. Будущее создается тобой, но не для тебя».

Уильям Стайрон «Выбор Софи»

**УИЛЬЯМ
СТАЙРОН**

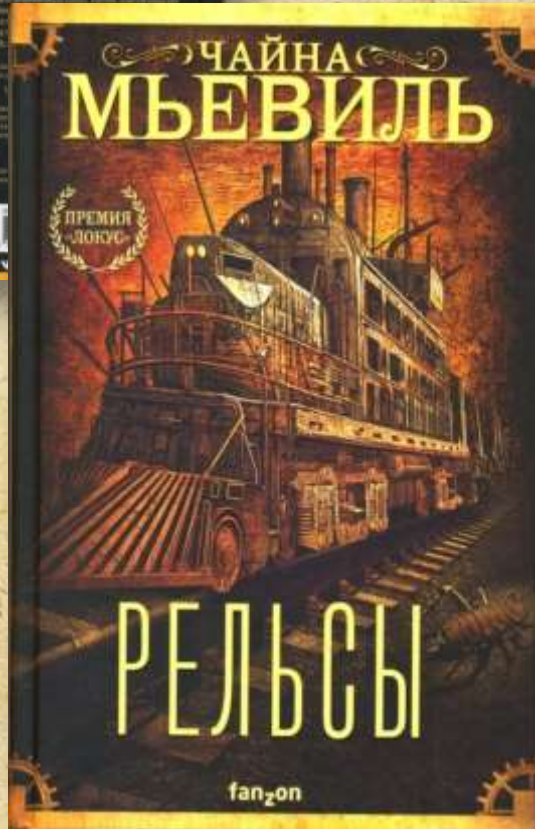
ВЫБОР СОФИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Жемчужина творческого наследия Уильяма Стайрона. Роман, который лег в основу сценария изумительного одноименного фильма с Мерил Стрип в главной роли, удостоенного премии "Оскар". Какова цена выживания человека в аду нацистских концлагерей? Палачи из Освенцима заставили молодую польку Софи сделать страшный выбор... Прошли годы, Софи давно переселилась в Америку и на первый взгляд вполне счастлива. Но прошлое по-прежнему не дает ей покоя, душит и мешает жить. И однажды это прошлое возвращается...

Чайна Мьевиль «Рельсы»

Рельсоморье. Обширные пространства отравленной земли, покрытые сетью стальных рельсов и деревянных шпал. Колеи, соединяющие времена & страны, проложены во всех направлениях, куда ни глянь. Они уходят в вечность. Но с острова на остров ходят слухи, что где-то за горизонтом есть выход туда, где нет рельсов, туда, где находится Рай, преисполненный богатств...

И именно он, Шэмус ап Суурап, помощник доктора на поезде-кротобое «Мидас», находит ключ к разгадке этой тайны. Но сможет ли он добраться до края Рельсоморья, прежде чем пираты и рельсовый флот доберутся до него?

Сам писатель утверждает, что работает, сознательно смешивая жанры — хоррор, фэнтези и научную фантастику, создавая при этом произведения, которые получили название «weird fiction». Мьевиль принадлежит к свободной группе авторов, которых называют «Новыми странными» (New Weird), и которые пытаются спасти фэнтези «из тисков коммерции и жанровых клише эпигонов Толкина». В интервью журналу Locus он говорит: *«Идея утешительного фэнтези вызывает у меня рвотный рефлекс. Не то, чтобы вы не должны были бы чувствовать себя комфортно, или не должно быть всяких хэппи-эндгов, но для меня мысль, что задача книги — утешать, по существу означает, что её цель — не бросать вызов, не ниспровергать, не подвергать сомнению. Тогда она всецело ориентирована на статус-кво — полностью, твёрдо, эстетически — а мне такая идея ненавистна. Я думаю, что лучшая фэнтези говорит о неприятии утешения, и вершина фэнтези — это сюрреализм, жанр, которым я зачитывался, как одержимый, и горячим поклонником которого являюсь. Я почитаю себя продуктом «развлекательного крыла» сюрреалистов — то есть использую эстетику фантастики для того, чтобы сделать нечто обратное утешению».*

Говард Лавкрафт «Зов Ктулху»

«Страх – вот самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неизвестного.»

Картина мира Лавкрафта проистекает из той, что пришла в наш мир в Новое время с развитием астрономии. Человеку пришлось смириться с тем, что он — не центр Вселенной, а всего лишь песчинка. Разница в том, что современная космогония ничем не заполняет бездну мироздания. Там рассыпаются и собираются звёзды, взрываются сверхновые и схлопываются чёрные дыры.

Лавкрафт же населяет эту пустоту чудовищными формами разума, невообразимыми в своём хладнокровии, которое нам, низшим представителям разумной жизни, кажется жестокостью.

«Проявлением наибольшего милосердия в нашем мире является, на мой взгляд, неспособность человеческого разума связать воедино все, что этот мир в себя включает. Мы живем на тихом островке невежества посреди темного моря бесконечности, и нам вовсе не следует плавать на далекие расстояния.»

Науки, каждая из которых тянет в своем направлении, до сих пор причиняли нам мало вреда; однако настанет день и объединение разрозненных доселе обрывков знания откроет перед нами такие ужасающие виды реальной действительности, что мы либо потеряем рассудок от увиденного, либо постараемся скрыться от этого губительного просветления в покое и безопасности нового средневековья.»